

УДК 1:101.1:316

DOI: 10.35103/SMSU.2022.74.62.027

ФАУСТОВСКИЙ МИФ О СВОБОДЕ ДЕЛАНИЯ: СКРЫТЫЕ СМЫСЛЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Ставицкий Андрей Владимирович

Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе (г. Севастополь, Россия)

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению мифов о Прометее и Фаусте, ставших в период возникновения и развития капитализма символическим образом дерзновенного преобразования природы и мотивирующей установкой для многих деятелей науки и искусства. Рассмотрены различные версии этих мифов, а также раскрыта роль, которую они сыграли в истории человечества. Поставлена и раскрыта проблема понимания свободы и связанной с ней ответственностью перед миром и историей в контексте развития человечества и его будущего.

Ключевые слова: миф, современный миф, фаустовский миф, прометеев человек, неклассическая мифология, общая теория мифа

THE FAUSTIAN MYTH OF FREEDOM OF ACTION: HIDDEN MEANINGS AND CONSEQUENCES

Stavitsky Andrey Vladimirovich

Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol
(Sevastopol, Russia)

Abstract

The article is devoted to the myths about Prometheus and Faust, which became a symbolic image of daring transformation of nature and motivation for many scientists and artists during the period of emergence and development of capitalism. Different versions of these myths are considered, and the role they played in human history is revealed. The problem of understanding the freedom and responsibility to the world and history, connected with it, in the context of human development and its future is put and disclosed.

Keywords: myth, modern myth, Faustian myth, Prometheus Man, non-classical mythology, general theory of myth

Введение

У каждого общества и любой эпохи есть свой ключевой миф, в котором как в зеркале отражается главный лейтмотив бытия, отвечающий на вопросы «Кто мы среди других? Откуда? Куда идём? Зачем живем? Чему служим?». Он может не всегда проявляться или даже игнорироваться обществом, но тем хуже для него, ибо если вы не занимаетесь мифом, это не значит, что он не занимается вами и ничто не может противостоять мифу, время которого пришло.

Именно таким ориентиром для Западной Европы Нового времени стали мифы о Прометее и Фаусте, воплощающие богоборческое дерзание и великое Делание, отражавшие порыв человечества к неведомому, создавая иллюзию, что природа не сможет скрыть от человека свои тайны и рано или поздно стараниями науки мир будет обжит и познан, чтобы служить ему.

В русской культуре эта позиция лучше всего отразилась в поговорке «схватить бога за бороду» и словах героя романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» Евгения Базарова: «природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник». Сейчас эта мысль выглядит уже не так однозначно, но одно-два столетия назад она окрыляла и вдохновляла людей на преобразование природы и общества, становясь девизом для пассионариев и обоснованием интереса к теме смысла свободы и воли.

Основная часть

Наверное, тема свободы будет актуальной и фетишизированной для человека всегда, обретая свою значимость задолго до фразы гётевского Фауста: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идёт за них на бой» [4, с. 342]. Хотя именно в ней отражен тот смысл, которым свободу наделяют, полагая её важнее жизни. Ведь «жизнь имеет лишь тот смысл, которые мы сами сумеем ей дать», а «истина познаётся через жертву и мир через жертву преодолевается». Поэтому «мир вокруг нас плох настолько, насколько мы его не знаем», однако «каждый достигает своего предела непонимания», поскольку «как человек живет, так и знает». Но с помощью мифов мы можем «пролиться в мир, как ранее мир пролился в нас» [14, с. 53, 65, 49, 55, 56, 42], чтобы разбудить энергию, воплощенную в текстах и переписать письма времени под себя. Но изменимся ли при этом к лучшему мы сами?

Впрочем, ценность свободы предельно усиливается, когда от неё зависит судьба человека и человечества. И тогда из универсальной категории и ценности свобода превращается в мощнейший инструмент, использование которого ограничивает или усиливает необходимость, противопоставляя природу воспитанию (Nature vs Nurture), а волю – порядку, чтобы проявить своё историческое предназначение, напоминая, что главный грех жизни человека – непопадание в цель.

В связи с этим порой можно услышать, что свобода ограничена правом, ответственностью, законом, а воля не ограничена ничем, где первое свойственно носителям западной культуры, а второе – русским, как носителям особой, не проявленной для Запада культуры бытия [2]. И этот вариант можно принять, если уточнить, что:

- свобода бывает разной: как выбор или необходимость, для чего-то и во имя чего-то или от того, что не хочется соблюдать, что связано с желанием и не предполагает внутреннего усилия, творчества, проявления воли как свободы, преодолевающей саму себя;

- в рамках закона свобода есть право, а не состояние творческой души, которую лишь оттачивают ограничения, как огранка делает из алмаза бриллиант;

- для русского ограничителем свободы выступает не закон, который почти всегда можно обойти, но совесть, а воля, как и свобода, по своей природе многозначна и включает в себя не только право выбора, но и возможность преодолеть то, что мешает воле быть [8].

Поэтому, когда наступает Время Больших Перемен, неизбежен разговор о запросе на свободу, её цене и той мере, которой её стоит ограничить, чтобы канализировать восходящую энергию и не утратить видение исторического пути [1; 6]. Сумеет ли мы найти подсказки в символах былого, где отражены предельные вопросы бытия, расшифровав их по-новому? Ведь миф есть переживание. А «Бытие этого устойчиво переменного сцепления переживаний остается неопределенным» [22, с. 373]. Способны ли понять смысл прошлого и

будущего, превратив их в мифы и сделав оружием, мощнее которого культура не знает, чтобы найти точку опоры в себе самом [14, с. 66]?

Связано это с тем, что онтологическая неоднозначность мифа требует проявления во времени, когда он в максимальной степени реализует себя, проявляясь в мотивах и деятельности людей, чтобы затем, исчерпав себя как необходимость, стать прошлым, историей, потеряв живую силу воздействия через смысл. И тогда миф «умирает», засыпает, деформируется, чтобы стать литературой, но сохранить возможность возродиться в другом времени, если прозвучит зов.

Именно так когда-то в устремлённой к «светлому капиталистическому будущему» средневековой Европе оправдали дерзания Прометея и Фауста через их свободу воли, приняв за основу своего отношения к ним версии Эсхила («Прометей прикованный») и Гёте («Фауст»). В них Прометей вопреки воле богов одарил людей знаниями, а Фауст воплотил в себе дерзновенный дух познания, вырывающий у бога то, что тот приберёг для себя. Впрочем, лучше всего этот сюжет дерзания был воспет в мифе об Икаре, несчастном сыне Дедала, который воспользовался умением летать не для спасения с острова Крит, где он томился с отцом после создания лабиринта Минотавра, а для суицидного полёта к солнцу, «когда гордыня, помноженная на сомнение, швырнула его вниз» [20, с. 42]. И до сих пор лишь немногие понимают, что его поступок был не дерзновенен, а глуп. Но Фауст с Прометеем таковыми не кажутся. Согласно Шпенглеру, «все фаустовское желает безраздельного господства» [23, с. 370], а «земной шар приносится в жертву фаустовскому мышлению» [23, с. 970], что позволило назвать фаустовской всю западную культуру.

Чтобы добиться этого, Шпенглер попытался развить условное и крайне относительное разделение эллинской культуры по Ницше на аполлоническое и дионисийское начала, противопоставив «аполлонической душе» античной культуры «фаустовскую душу» культуры западной [23, с. 208]. И поначалу это казалось продуктивным. Ведь гётевский миф о Фаусте как способ понять и отразить природу цивилизации, её помыслы и смыслы на уровне онтологии сделал «труд» и «изобретение» для человечества важным и значимым, где «фаустовская страсть изменила облик поверхности Земли», чтобы «опьяненная душа» сумела «подняться над пространством и временем» [23, с. 968]. Хотя первоначально легенда о Фаусте была совсем иной.

В результате объединённые богоборческим порывом идеи «фаустовской» природы рвущегося в бесконечность «прометея человека» вдохновляли многих людей на великие свершения или оправдывали ужасные злодеяния и сопровождают человека как тень до сих пор, воплощаясь в планах создания киборга, постчеловека, искусственного интеллекта, экспериментах по изменению генома и поисках человеческого бессмертия. Однако их позитивный запал себя уже почти исчерпал, обернувшись негативными последствиями, побудив отдельных исследователей не только иначе оценить данные мифы, но и пересмотреть своё отношение к Природе в пользу храма, а не базаровской мастерской, где «человек в ней работник», сводящий отношение к ней к банальному вопросу: как изнасиловать природу без трагических последствий для себя? Особенно с учётом того, что Природа и есть жизнь в её самом универсальном проявлении и значении, высшая бытийная ценность нашего мира, а «ключевым словом всякой религии и

вечным желанием всякого бодрствующего существа является "спасение"» [23, с. 722].

В свете этого, слова жившего в XII веке короля Кастилии и Толедо Альфонса VII: «Если бы Бог, создавая мир, спросил у меня совета, я бы подсказал ему, как устроить Вселенную попроще», выглядят очень наивно. Однако в индустриальную эпоху безраздельного господства логически освящённого позитивизма обращённая к советским «плодоводам» знаменитая фраза селекционера И.В. Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у неё – наша задача», – не только выглядела манифестом преобразующего мир человеческого делания, но и стала своеобразным символом потребительского отношения к природе как таковой. Теперь же, когда идеология и модель всеобщего потребления подвела человечество к угрозе уничтожения, чаще можно услышать другое: «Мы не можем ждать милостей от природы после того, что с ней сделали». Те, кто утверждает последнее, не устают напоминать, что для Вселенной мы – не более, чем бактерии для человека, возомнившие себя хозяевами мира лишь на том основании, что ни один другой вид бактерий не может с нами конкурировать. Однако, добившись этого, мы настолько истощили и загадили тело «своей» планеты, переделывая её под себя, что она уже не может нормально функционировать и нуждается в отдыхе. При этом важно учесть, что Земля не только может нас уничтожить физически, но и, возможно, уже не раз это делала. Чему свидетельством являются мифы о всемирном потопе, гибели Атлантиды, Содоме и Гоморре.

Известно, что в человеческом теле обитает около 8 миллионов микробных генов и по 10 бактериальных клеток в каждой клетке человека, большинство из которых не наносит человеку никакого вреда. Общее количество бактерий в результате таково, что их совокупный вес доходит до 2-3 кг. Казалось бы, много. Однако пока они пребывают в гармонии, человек об этом задумываться не будет. Но если один из видов бактерий возомнит себя хозяином человеческого тела, доминируя в теле и паразитируя на нём, скорее всего, это плохо закончится для всех.

Вот почему проблема неограниченного потребления человека перестала быть строго этической и теперь несёт угрозу всему человечеству, требуя качественно иного отношения и решения, к которому мы, несмотря ни на что, до сих пор не готовы. Хотя мир пришёл в движение, выдвигая новые идеи, которые станут факторами непреодолимой силы, лишь превратившись в мифы, напоминая, что «мы в ответе за будущее, но будущее не в ответе за нас» [14, с. 69], потому что с нами будет то, что мы есть.

Так будущее воплощается в настоящем, и мир требует от нас творить во благо, напоминая, что священные писания не важнее живого поиска [20, с. 47]. «Вселенная Божьего Слова» [20, с. 29] взывает к сотворчеству. Но «Божественное нельзя постичь мышлением» [20, с. 27], вынуждая «соединить истины разума и блага воли» [20, с. 29], породив свой новый миф, который даже ужас способен превратить в поэзию.

Известно, что «задача мифа не максимально достоверно отразить мир, как это делает наука, но осмыслить его в соответствии с имеющимися представлениями, опытом и ожиданиями людей, сделав человека с реальностью психологически совместимым» [9, с. 32]. Поэтому в каждой эпохе миф обнажает новый пласт боготворения, чтобы объяснить мир и роль человека в нем, а для этого вырабатывает свой особый миф об этом вечном поиске смыслов и их обретении.

Поэтому если вы не нашли свой миф, это не значит, что миф не нашёл вас. Ведь «Бог не спит. Но не спит и Творение. И потому вечность, пребывающая в нас, найдёт выход» [15, с. 545].

Так, через Слово Хаос превращался в Космос, но этого не произойдёт, если мы не сможем полюбить жизнь больше смысла, являя в сотворчестве вечную силу недосказанности и напоминая, что только свободный призван в сотворцы, ибо идёт по Пути сердца, чтобы соотносить всё с Вечностью, так как пределов в творчестве нет: «Говорят, что жизнь постоянно вырывается за свои пределы. Пределы? А кто их определил? Сами люди? Определили потому что мыслят телом, а не душой. Не духом. Для настоящего видящего пределов нет. Не зная этого, люди ищут далеко те блага, источник которых в них самих. Но тот, кто понял это, знает, что Истина едина, но разные люди дают ей различные имена. Имена, разные по направлению пути, но идущие от одного сердца. Что могут значить «зло» и «добро» для того, кто решился познать абсолютное, если всякое изменение и контраст – суть видимости? Перешагнуть предел и понять, что добро и зло, свет и мрак – лишь элементы одного и того же единства в разных его проявлениях. Он видит, что Свет истекает из Тьмы и ею кормится. А Тьма называется абсолютной Пустотой. Солнце в действительности не восходит и не заходит, но лишь вращается. День и ночь не сменяют друг друга, но предстают перед нами таковыми. А мы воспринимаем всё так, потому что рабы обусловленности, не понимая, что под Богом не существует двух путей, а у мудрецов всегда одно сердце» [15, с. 601].

Возможно, поэтому первоначально доктор Фауст воспринимался и описывался многочисленными авторами не в гётевской версии как жаждущий знаний преобразователь и исследователь, которого можно и должно простить, ибо он это делал для людей, но как возжелавший запретного маг, для чего ему понадобилось заключить сделку с дьяволом, ценой которой была его проклятая навеки душа. Таким образом, в Фаусте воплощалась новая версия адамова грехопадения, когда ради «запретного плода» и связанной с ней власти отдавалось самое ценное, что у человека есть – человеческая душа. Однако силой гения великого Гёте данный миф обрёл иное содержание, которое отразило в себе страстный порыв человечества.

Кстати, история Прометея, предложенная по версии Эсхила, в свете изложенного тоже нуждается в уточнении, а, быть может, даже серьёзной коррекции. И для этого придётся окунуться в мифологию, чтобы напомнить, что по своему сюжету история «богоборчества» Прометея, который сначала благоразумно предал своих братьев титанов в борьбе их против более молодых «олимпийских» богов, а потом попытался использовать людей, чтобы свергнуть воцарившегося на Олимпе Зевса, подозрительно напоминает апокрифический миф тамплиеров об ангеле Сатанаиле, который решил передать божественные знания нижним мирам, дабы воспользоваться этим для повышения своего статуса. Но он сумел лишь сорвать первую печать Оккультного знания. Однако и этого оказалось достаточно, чтобы ведомые им нижние миры пошли войной против верхних и в битве с небесным воинством во главе с архистратигом ангелов Михаилом были низвергнуты обратно. По преданию сам Господь не принял участия в битве, но Сатанаил был лишён ангельского статуса, став во главе нижних миров.

Как видим, в свете этого, деяния Прометея выглядят уже несколько иначе, лишаясь привычного флера романтики, а провозгласивший Прометея в качестве идеала Запад рискует быть воспринятым как техносатанизм, где нацизм есть

крайнее порождение либерализма. Однако к его мифологической истории стоит добавить ещё несколько дополнительных штрихов.

1) Согласно мифу, т.н. «прометеев огонь», не являлся огнём в буквальном смысле, но был огнем божественного знания, который не принадлежал Прометею, т.к. он его украл, и изначально не был предназначен для людей в силу их духовной неготовности их правильно воспринять и использовать.

2) Помимо даров божественного знания Прометей принёс в мир и беды человеческие, которые хранились в пифосе, получившем названия «ящика Пандоры». И, хотя сам Прометей не имел к их распространению прямого отношения, его действия этому весьма способствовали.

3) С лёгкой руки великого Эсхила, принято считать, что Прометей пострадал за человечество, что неизбежно рождает аналогию со страстями Христовыми, в которых Прометей смотрится даже выгоднее Иисуса, поскольку он не умер на кресте, но на протяжении длительного времени был прикован к скале, чтобы ежедневно прилетающий орёл Зевса выклёвывал ему каждый раз заново отравленную печень. Невозможно даже вообразить его бесконечные страдания. Однако причина их была не в наказании за украденные божественные знания, как обычно считают. Дело в том, что Прометей знал одну тайну, которая помогла бы ему свергнуть Зевса. И Зевс её тоже хотел знать. В конечном итоге Прометей не выдержал пыток и поведал эту тайну богам. Согласно ей, среди прекрасных богинь была та, чей сын по пророчеству Мойр должен был превзойти своего отца. Так Зевс, которому очень нравилась морская богиня Фетида, избежал самой большой угрозы своей власти, выдав её за смертного – аргонанта Пелея, после чего родился Ахилл.

Вот так желание и свобода даже для всемогущего Зевса уступили место необходимости во имя сохранения божественного порядка, который, правда, по одной из версий, привёл к массовому уничтожению героев и полубогов в Троянской войне [11] «за великий миф – миф о самой совершенной форме» [10, с. 270]. Форме всех форм, воплощённой в женщине. Впрочем, не исключено, что это тоже миф в мифе, скрывающий животные мотивы людей доминировать и размножаться.

Кстати, чтобы понять, кто выиграл в Троянской войне, достаточно вспомнить, как возвращались после войны «победители»: очень немногие из них вернулись беспрепятственно домой, а остальные гибли в штормах, оказывались в изгнании, либо возвращались спустя много лет, нередко как воры. И этим странным обстоятельством философ-киник Дион Хрисостом когда-то посвятил целое исследование под названием «Троянская речь в защиту того, что Илион взят не был» [5]. Однако воплощённое в мифах слово становится для людей порой значимее реальности. Особенно, если она осталась в прошлом и теперь может быть только описана, вдохновляя или поучая народы [9]. Вот какова сила увлечённого людей слова. Не случайно Александр Македонский в походе возил с собой «Илиаду». Она вдохновляла его на те великие свершения, которые с ним связывают.

Опять же следует помнить, что всё, что делает человек, его мотивы, позы, стремления, могут быть совершенно иначе осмыслены временем, нежели он бы хотел, выявляя более скрытые механизмы мифотворчества. И Фауст тому не исключение. Объяснение простое и проверенное: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовётся», потому что у бытия свои мотивы и предпочтения,

позволяющие явить миру совсем не те смыслы, какие вкладывали в них создатели, потому что у мифа, как и у книги, своя жизнь. Примером тому может служить неутомимый безумец и деятельный страдалец Дон Кихот Ламанчский, описанный в самой карикатурной форме образец исполнения высмеянных эпохой рыцарских штампов, который каким-то совершенно странным образом породил миф благородного, жертвенного самоотречения ради великой цели. Так едкая критика прошлого гениальным Сервантесом ответным мифотворчеством читателей обернулась духовным прорывом в будущее, по которому о Дон Кихоте и судят, хотя он того вроде как и не заслужил.

Итак, как видим, мифы прошлого умудряются порой закрутить такую игру смыслов для настоящего, что могут в корне поменять представления о них, чтобы вызвать в обществе энергию, которой противостоять будет невозможно. Особенно, если речь идёт о живом мифе, т.е. таком, который пробуждает чувства, воплощает чаяния людей и «существует за пределами слов», будучи не ложью, а поэзией. Метафорой. Божественным словом. Тем, что «может быть узнано, но не может быть названо» [7, с. 222–223], отражая духовные возможности каждого из нас [7, с. 288]. В нём речь идёт об энергии смыслов, делающей мир судьбой и представляющей неотвратимость перемен, вызванных идеей вовремя прозвучавшего слова, которое лишь «одевается в одежды времени» [20, с. 41].

Мы знаем, к чему приводит взрыв атомной бомбы. А кто-то измерял реальную силу слова, идеи, мифа, когда они овладевают массами, которые под их воздействием приходят в движение, чтобы добиться ожидаемых перемен? Не зря один из канонических «Евангелий» начинается фразой «В начале было Слово». И приписанная Фаусту гётевская поправка «В начале было Дело!» [4, с. 82], здесь лишь опошляет изначальный смысл, если не «включает в себя и действие, и вечную устремленность» [10, с. 262], поскольку «знать – значит быть» [14, с. 54]. Ведь «если Слово прозвучало, оно проступит даже сквозь летящий пепел» [15, с. 602]. И кто сказал, что его возможности исчерпаны? То Слово, что сотворило новый мир, не может быть просто словом в его чисто лингвистическом понимании. Ведь «понимание требует слов. Но мир не может быть ограничен словами. Он испытывается бессловесно» [20, с. 44]. Поэтому до мифа бытие было безглагольным. Но через миф Творение «означилось из немоты как разумное и действительное», обеспечив «тождество Бытия и Мышления» [3, с. 9], где «Бытие предстает собственной персоной в бесконечности» [3, с. 24]. Поэтому не будем принижать и силу человеческого слова, мысли, сознания.

Известно, что слово, несущее идею, ставшую образом будущего и мифом для людей, наделяло их такой невероятной силой, что остановить его победное шествие в пространстве и времени не мог никто, пока эта сила действовала [17]. Именно это имел в виду Виктор Гюго, написав: «В мире нет ничего более могущественного, чем идея, время которой пришло». Чтобы понять это, достаточно вспомнить победоносную поступь идей Иисуса и Мухаммеда, против которых были бессильны мечи и пушки. Или силу коммунистических идей столетней давности, воплощённых в подвигах реальных и литературных героев советской поры, которая роднит их с великими героями мифов, воспевая и объясняя их жертвенность. А чего стоит поэтическая сила «Илиады», позволившая потом заявить, что её мифический автор – Гомер, выиграл своей поэмой троянскую и греко-персидские войны, не только приписав победу ахейцам, о чём уже было упомянуто, но и вдохновив разделённых полисами эллинов создать сначала общую

культуру, а затем и цивилизацию? И где бы они были без своей мифологии? Той, что надолго закрепила в общественном сознании мнение, что миф – это сказания о богах и героях, и ничем иным он быть не может хотя бы для удобства понимания.

Сейчас такое отношение к мифу называют классическим. И оно настолько же соотносится с современным представлением о мифе ведущих мифологов [13, с. 35–77; 17, с. 36–81], насколько классическая физика Галилея и Ньютона соотносится с современной неклассической физикой Эйнштейна, Планка и Бора [16], вынуждая толковать миф максимально расширительно, руководствуясь принципом Р. Фейнмана, «всегда распространять идеи за рамки того, на чем они уже опробованы» [21, с. 239]. Особенно с учётом, что в таком расширительном виде, когда под мифом понимается отраженная в образно-символической форме сознанием реальность, он из проблемы становится механизмом решения жизненно важных для человека проблем, связанных со смыслом его существования. Ведь миф как пережитая и прочувствованная реальность отвечает за формирование поля ценностных смыслов [18]. Тех самых, опираясь на которые формируются, развиваются и мутируют в процессе своего исторического развития не только люди, но и народы, нации, государства, цивилизации [12].

В результате таких обобщений возникла перспектива изучения современной (неклассической) мифологии и формирования общей теории мифа, где он будет представлен не как существующий по инерции позорный для человека рудимент, но как базовая культурная универсалия, играющая в жизни человека и общества крайне важную роль.

Не случайно в одной из телепередач русский писатель Александр Проханов сказал: «Берегите миф. Он ценнее, чем Байкал», а двумя столетиями ранее английский историк Томас Карлейль спрашивал англичан, что важнее для Англии: Шекспир или Индия? И отдавал предпочтение Шекспиру, потому что в нем воплощена вся культура, а значит, и весь смысл бытия, ведь поэты «говорят нам о мифах, которые затрагивают проблемы, выходящие достаточно далеко за пределы того, что они понимают на сознательном уровне» [10, с. 273]. В том числе и о том, что «миф о Фаусте является целиком и полностью мифом о нас самих» [10, с. 298], а воплощённый в Прометее и Фаусте «западный крайний индивидуализм сам является частью всемирного зла» [10, с. 294], которое вопреки их желанию подошло к своему закономерному завершению.

К сожалению, у нас до сих пор не научились ни учитывать эту энергию, ни использовать её на пользу стране, полагаясь исключительно на разум, будто он способен отключиться от чувств. Но коль старая «прометеева» мифология требует пересмотра лежащих в основе её идей, уместны вопросы, что есть свобода и к чему она ведёт? как её использовать, контролировать, оценивать, чтобы исходная мотивация блага не привела к тотальному обрушению и итогам под лозунгом «хотели, как лучше, а получилось, как всегда» в духе знаменитой сентенции «благими намерениями вымощена дорога в ад»? Ведь «в высшем смысле равенство неотделимо от свободы, а справедливость – от высоты. Высоты понимания. Высоты мудрости. Высоты отношений» [20, с. 39]. Но как достичь их?

Заключение

Спрашивается, насколько эти вопросы актуальны сейчас, когда в рамках прежнего миропорядка невозможно решить те проблемы, которые он породил? Особенно с учётом того, как трансформировалось понимание свободы, которое мы привычно связываем с термином «либерализм», пройдя длинный путь от

идеологии свободы, именем которой создавалось всё лучшее в мире за последние три сотни лет, к идеологии и обоснованию глобального контроля. В таком виде либерализм выстраивается как программа тотального расчеловечивания, показывая, что мифы не только воплощают великие прозрения человечества, но и болезни его духа. Как преодолеть его – основная задача эпохи Перемен, к которой пока не получается подступить, хотя процесс уже идет, вынуждая пересматривать устаревшие мифы, а возможно, и отказываться от них. Однако понимание новой реальности и новый язык описания не возникнут сами собой без борьбы, но лишь в активном взаимодействии с неизвестностью, когда устаревшие знания и идеи будут либо отринуты, либо существенно пересмотрены, чтобы человечеству быть готовым к новым вызовам и испить чашу познания самого себя, возможную на этом этапе, до дна.

Литература

1. Белогурова Т.А. Отражение общественных настроений в российской периодической печати 1914 – февраля 1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02; Гос. пед. ун-т им. И. Г. Петровского. Брянск, 2006.
2. Бердяев Н. Философия свободы. Москва: АСТ, 2009.
3. Гачев Г. Русская Дума. Портреты русских мыслителей. Москва: Новости. 1991. 272 с.
4. Гёте И.В. Фауст. М.: Издательство детской литературы. 1956. 352 с.
5. Дион Хрисостом. Троянская речь в защиту того, что Илион взят не был / Пер. Н. Брагинской // Ораторы Греции. Москва: Художественная литература. 1985. С. 331–332.
6. Жердева Ю.А. Русский либерализм в 1917 году: по материалам периодической печати: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02; Самара: Самарский гос. экон. ун-т, 2005. 299 с.
7. Кэмпбелл Дж. Сила мифа. Санкт-Петербург: Питер, 2018. 304 с.
8. Кьеркегор С., Мэй Р. Очищение страхом или Экзистенция свободы. Москва: Литрес, 2022. 260 с.
9. Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов V Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2021 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2021. 578 с.
10. Мэй Р. Взывая к мифу. Санкт-Петербург: Питер, 2021. 336 с.
11. Олди Г.Л. Одиссей, сын Лаэрта. Человек номоса. Москва: Эксмо, 2000. 416 с.
12. Ставицкий А.В. Национально-исторический миф Украины: Монография. Севастополь: Рибест, 2015. 748 с.
13. Ставицкий А.В. Онтология современного мифа. Севастополь: Рибэст, 2012. 546 с.
14. Ставицкий А.В. Песня Мира. Опыт сакрального бытия. Севастополь: Рибэст, 2013. 75 с. ил.
15. Ставицкий А.В. Седьмая печать: Роман. Севастополь: Рибэст. 2013. 668 с.
16. Ставицкий А.В. Современная мифология: опыт постижения Иного. Севастополь: Рибэст, 2012. 192 с.

17. Ставицкий А.В. Современный миф и его основные функции. Севастополь: Рибэст, 2012. 238 с.
18. Ставицкий А.В. Современный миф: его природа и предназначение. Севастополь: Рибэс, 2013 156 с.
19. Ставицкий А.В. Структура и функции мифа: тайны, открытия, заблуждения. Севастополь: Рибест, 2016. 136 с.
20. Ставицкий А.В. Aurea Catena Homerī. Возвращение к Началам. Севастополь: Рибэст, 2013. 83 с. ил.
21. Фейнман Р. Характер физических законов: [пер. с англ. Э. Наппельбаума, В. Голышева]. Москва: АСТ, 2020. 256 с.
22. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. 5-е изд. М.: Академический проект, 2015. 460 с.
23. Шпенглер О. Закат Западного мира: Очерки морфологии мировой истории. Полное издание в одном томе / Пер. с нем. Москва: Альфа-КНИГА. 2017. 1085 с.

References

1. Belogurova T. A. Otrazhenie obshchestvennykh nastroyenii v rossiiskoi periodicheskoi pechati 1914 – fevraliâ 1917 gg. [Reflection of Public Sentiments in the Russian Periodicals of 1914-February 1917]: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02; Gos. ped. un-t im. I. G. Petrovskogo. Briansk, 2006.
2. Berdiaev N. Filosofiâ svobody [Philosophy of Freedom]. Moskva: AST, 2009.
3. Gachev G. Russkaiâ Duma. Portrety russkikh myslitelei [Russian Duma. Portraits of Russian Thinkers]. Moskva: Novosti. 1991. 272 s.
4. Gëte I.V. Faust [Faust]. M.: Izdatel'stvo detskoï literatury. 1956. 352 s.
5. Dion Khrisostom. Troiânskaiâ rech' v zashchitu togo, chto ilion vziat ne byl [Trojan Speech in Defence of the Fact that Elyon was not Taken] / Per. N. Braginskoi // Oratory Gretsii. Moskva: Khudozhestvennaia literatura. 1985. S. 331–332.
6. Zherdeva Iu.A. Russkii liberalizm v 1917 godu [Russian Liberalism in 1917: Based on Periodicals]: po materialam periodicheskoi pechati: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02; Samara: Samarskii gos. êkon. un-t, 2005. 299 s.
7. Cambell J. Sila mifa [The Power of Myth]. Sankt-Peterburg: Piter, 2018. 304 s.
8. Kierkegaard S., May R. Ochishchenie strakhom ili êkzistentsiia svobody [Cleansing by fear or the Existence of Freedom]. Moskva: Litres, 2022. 260 s.
9. Mif v istorii, politike, kul'ture [Myth in History, Politics, Culture] [Elektronnyĭ resurs]: Sbornik materialov V Mezhdunarodnoi nauchnoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii (iun' 2021 goda, g. Sevastopol') / Pod redaktsiei A.V. Stavitskogo. Sevastopol': Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v gorode Sevastopole, 2021. 578 s.
10. May R. Vzyvaia k mifu [Appealing to Myth]. Sankt-Peterburg: Piter, 2021. 336 s.
11. Oldi G.L. Odissei, syn Laërta. Chelovek nomosa [Odysseus, son of Laertes. A Man of Nomos]. Moskva: Èksmo, 2000. 416 s.
12. Stavitskiy A.V. Natsional'no-istoricheskiĭ mif Ukrainy [The National-historical Myth of Ukraine]: Monografiâ. Sevastopol': Ribest, 2015. 748 s.
13. Stavitskiy A.V. Ontologiiâ sovremennogo mifa [The Ontology of Modern Myth]. Sevastopol': Ribest, 2012. 546 s.

14. Stavitskiy A.V. *Pesniā Mira. Opyt sakral'nogo bytiā* [Song of Peace. The Experience of Being Sacred]. Sevastopol': Ribest, 2013. 75 s. il.
15. Stavitskiy A.V. *Sed'maiā pechat'* [The Seventh Seal]: Roman. Sevastopol': Ribest. 2013. 668 s.
16. Stavitskiy A.V. *Sovremennaiā mifologika: opyt postizheniā Inogo* [Modern Mythologic: the Experience of Comprehending the Other]. Sevastopol': Ribest, 2012. 192 s.
17. Stavitskiy A.V. *Sovremennyi mif i ego osnovnye funktsii* [Modern Myth and its Main Functions]. Sevastopol': Ribest, 2012. 238 s.
18. Stavitskiy A.V. *Sovremennyi mif: ego priroda i prednaznachenie* [Modern Myth: its Nature and Purpose]. Sevastopol': Ribest, 2013. 156 s.
19. Stavitskiy A.V. *Struktura i funktsii mifa: taīny, otkrytiā, zabluzhdeniā* [The Structure and Function of Myth: Secrets, Discoveries, Delusions]. Sevastopol': Ribest, 2016. 136 s.
20. Stavitskiy A.V. *Aurea Catena Homeri. Vozvrashchenie k Nachalam* [Homer's Golden Chain. Return to the Beginnings]. Sevastopol': Ribest, 2013. 83 s. il.
21. Feynman R. *Kharakter fizicheskikh zakonov* [The Nature of Physical Laws]: [per. s angl. Ė. Nappel'bauma, V. Golysheva]. Moskva: AST, 2020. 256 s.
22. Heidegger M. *Bytie i vremiā* [Being and Time] / Per. s nem. V.V. Bibikhina. 5-e izd. M.: Akademicheskii proekt, 2015. 460 s.
23. Spengler O. *Zakat Zapadnogo mira: Ocherki morfologii mirovoī istorii* [The Decline of the Western World: Essays on the Morphology of World History]. Polnoe izdanie v odnom tomu / Per. s nem. Moskva: Al'fa-KNIGA. 2017. 1085 s.

Сведения об авторе:

Ставицкий Андрей Владимирович

доцент кафедры истории и международных отношений Филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, кандидат философских наук (г. Севастополь, Россия).

E-mail: stavis@rambler.ru

Bionotes:

Stavitskiy Andrey Vladimirovich

Associate Professor at the Department of History and International Relations, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Candidate of Philosophy (Sevastopol, Russia).

Для цитирования:

Ставицкий А.В. Фаустовский миф о свободе делания: скрытые смыслы и последствия // *Мифологос*. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования», № 2, 2022. С. 142–152.

For citation:

Stavitskiy A.V. The Faustian Myth of Freedom of Doing: Hidden Meanings and Implications // *Mythologos. The Mythic Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies Series*, no. 2, 2022. С. 142–152.